

Хорунжий Сергей Николаевич, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Воронежского государственного университета; к.ю.н.
394000, г. Воронеж, ул. пл. Ленина, 10
snhor@mail.ru

Khorunzhiy Sergey Nikolaevich,
Assistant Professor Department of Civil law and Civil Process Faculty of the
Voronezh State University
394000, Voronezh, st. Sq. Lenin, 10
snhor@mail.ru

Конституционная идеология и баланс защищаемых правовых ценностей

Аннотация: в статье анализируются существующие в науке подходы к государственной идеологии; формулируется вывод о существовании конституционной идеологии, в основе которой лежит баланс конституционно-защищаемых правовых ценностей.

Ключевые слова: конституционная идеология, баланс ценностей, частные и публичные интересы, функции права.

Constitutional ideology and balance of the protected legal values

Abstract: The article analyzes the existing science approaches to the state ideology; It draws conclusions about the existence of a constitutional ideology, which is based on the balance of constitutionally-protected legal values.

Keywords: constitutional ideology, balance values, private and public interests, rights function.

Поиск баланса защищаемых Конституцией России ценностей, расстановка актуальных и эффективных приоритетов развития общества и государства постоянно находятся в сфере научной дискуссии. Представляется, что определяющим, стержнеобразующим фактором для решения возникающих в этой сфере задач служит правильное понимание не только «точки отсчета», но и «вектора развития», иными словами – наличие правового фундамента и его дальнейшее выстраивание по пути следования к конструктивному и сбалансированному развитию общества и государства. Соответствующие исследования базовых основ права, национальной идеи, пронизывающей все нормы действующего законодательства, а также попытки формирования правовой доктрины являются предметом многих работ теоретиков права. Указанные вопросы рассматриваются на стыке многих смежных дисциплин: социологии, политологии, теории управления, философии, психологии и проч.

С периодическим постоянством возникают дискуссии о необходимости или, напротив, недопустимости нормативного влияния государственной власти на фор-

мирование морально-нравственной сферы бытия граждан, а также степень проникновения публичной власти в частную жизнь.

Вместе с этим неоднократно звучали и высказывания противоположного толка – о «смерти» идеологии. Как отмечает К. Гаджиев, лозунг «конец идеологии» впервые был выдвинут в 1955 на международной конференции под эгидой Конгресса за свободу культуры, в рамках которого деидеологизация рассматривалась как «идеологическое разоружение»¹. В последовавшей за этим работой Р. Арона, идеология, как прибежище интеллектуалов всех цветов и мастей, получила наименование, претендующее в качестве постиндустриального эпиклеса – «опиум интеллектуалов»².

В работе Д. Белла с недвусмысленным названием «Конец идеологии» (1960) приводятся аргументы о том, что деидеологизация началась с переходом западного общества в постиндустриальную стадию. Однако впоследствии Д. Белл признался, что такие выводы были основаны прежде всего на анализе религиозных конфликтов (в частности, противостояния католицизма протестантизму); перемены в обществе, распространение секуляризма, привело к локализации идеологических споров и выводу о предстоящем «конце идеологии». Последующий крах социалистической системы, по мнению Д. Белла, повелевает лишь утверждать, что «идеологии преходящи», что не означало и не означает, что в будущем можно ожидать «конца» любых идеологий³. Более того, лаконичное определение, которое дал Д. Белл (2006) идеологии как идентичность, позволяет, на наш взгляд, говорить, напротив, о «бессмертии» идеологии ровно настолько, насколько она связана идентичностью (национальной, религиозной, групповой и проч.)⁴.

В нашей стране вера в то, что идеология станет реликтом истории, обрела черты рациональной убежденности после распада СССР. Именно в этот период, когда политическая ось двухполюсного миропорядка потерпела крах, конец идеологии холодной войны был воспринят как наступление деидеологической эры. Достаточно вспомнить футуристические высказывая Ф. Фукуямы, который в известной статье «Конец истории» (1989) утверждал, что завершение конфронтации между Востоком и Западом означает «завершение идеологической эволюции человечества», формирование деидеологизированного мира⁵.

¹ Гаджиев К. Конец или возрождение идеологии? // Свободная мысль. 2016. № 1. С. 94.

² См.: Арон Р. Опиум интеллектуалов // Логос. 2005. № 6 (51). С. 182–205. [Aron, Raymond. The Opium of the Intellectuals. New York: Doubleday & Company, Inc., 1957. PP. 203–235]

³ Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М., 2007. С. 70. См. также: Bell D. The end of ideology. Glencoe, 1988.

⁴ Применительно к России схожую и разделяемую нами мысль высказала В. Н. Первушина, сказав, что «разрушение советской идеологии привело к гибели культурной матрицы, приведшей к массовой дезориентации, утрате групповой и индивидуальной идентичности, гибели привычного мира, узнаваемого и понятного. Общество в целом лишается идентичности, возникает потребность в поиске новых культурных образцов» (Первушина В.Н. Идеология в современной России // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 135). К сторонникам деидеологизации можно отнести также Р. Дарендорф, Э. Фишер, Л. Колаковски и др.

⁵ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–135, 145.

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 года нормативно закрепило данную убежденность. Статья 13 Основного закона недвусмысленно провозгласила недопустимость установления какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной.

Современная политико-правовая история свидетельствует как минимум о преждевременности утверждений о смерти идеологии. Напротив, можно утверждать, что достижения «отцов» демократии (Дж. Локка, Ш. Л. Монтескье, Т. Джефферсона и др.) в настоящее время обретают иную форму своей жизни, становятся инструментами в формировании новых государственных, политических и социальных систем («экспорт демократии»). В этой части представляется верным утверждение К. Гаджиева о том, что «идеологии, призванные служить в качестве связующих звеньев тех или иных сообществ, социальных классов и слоев, не могут исчезнуть навсегда. Неизбежно появятся новые идеологические конструкции или мифы, которые заполнят образовавшийся вакуум, принимая иные очертания»⁶.

Причины существования столь противоположных взглядов на данный феномен отчасти сокрыты в самой истории его появления и последующего развития. Заметим, что впервые слово «идеология» было введено в качестве философской категории в XVIII в. во Франции Антуаном Луи Клодом Дестют де Траси (1754–1836) для обозначения науки, которая имеет своим предметом изучение идей, их свойств, законов, отношений со знаками, которые их представляют. Именно так понимали идеологию на протяжении нескольких десятилетий до тех пор, как указывает А. С. Иванова, пока Маркс своей работой «Об идеологии» (1848 г.) «не изменил навсегда судьбу понятия, дав рождение новой, политической традиции его толкования. Вне её, для историков философии, «идеология» навсегда осталась прежде всего теорией познания или, на языке эпохи, метафизикой»⁷.

Последующее за этим эксплицирование идеологии носило самый разнообразный характер – идеологию стали рассматривать как «идеологическое согласие», обеспечивающее стабильность и порядок⁸; культурный дискурс⁹; духовную культуру¹⁰; «результат целенаправленной интеллектуально-правовой деятельности» всего общества и отдельных правоведов¹¹; материальность, объективированная в разнообразных социальных практиках, которые формируют («интерпеллируют») субъек-

⁶ Гаджиев К. Указ. соч. С. 101.

⁷ Иванова А. С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 146–148. Отметим, что сам Дестют де Траси основателем идеологии, «великим идеологом, назвал Э. Кондильяка – «французского Локка» – носителя философских идей французского Просвещения. См. также: Антуан Дестют де Траси Элементы Идеологии. Ч. 1. Идеология в собственном смысле слова. Гл. 11. Размышления о предшествующем и о способе Кондильяка анализировать мысль // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 149–154.

⁸ Грамши А. Тюремные тетради: в 3 ч. [пер. с ит.] / А. Грамши. М., 1991. Ч. 1. С. 73.

⁹ Ионин Л. Г. Социология культуры / Л. Ионин. – М., 2004. С. 270–272.

¹⁰ Богданов А.А. Наука об общественном сознании: (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). М., 1914. С. 9–10.

¹¹ Якубенко К.Ю. Правовая идеология: природа и содержание // Вопросы теории и истории государства и права. 2016. №1(40). С. 66. (63–66)

екта¹²; новый уровень общественного сознания – теоретическое отражение жизни¹³. Звучали также высказывания о «ложном сознании»¹⁴ и «шаманизации идеологии»¹⁵ в советский период и др.¹⁶

В настоящее время Т. Иглтон (T. Eagleton) приводит следующие систематизированные и сгруппированные им определения идеологии: 1) процесс производства смыслов, знаков и ценностей социальной жизни; 2) совокупность идей, характерных для определенной социальной группы или класса¹⁷; 3) идеи, помогающие легитимировать доминирующую политическую власть; 4) ложные идеи, помогающие легитимировать доминирующую политическую власть; 5) систематически искажаемая коммуникация; 6) нечто, что формирует позицию субъекта; 7) формы мышления, мотивированные социальными интересами; 8) социально-необходимая иллюзия; 9) конъюнктура дискурса и власти; 10) посредник, с помощью которого сознательные социальные акторы придают смысл своему миру; 11) наборы верований, ориентированные на определенные действия; 12) смешения языковых и феноменологических реальностей; 13) процесс превращения социальных связей в действительную реальность и проч.¹⁸.

Как видим, паттерн семантического содержания «идеологии» весьма велик и отчасти сродни *Summa theologiae*¹⁹ Фомы Аквинского, что ведет нас от этико-религиозных идей и аспектов, до светской апологетики марксистско-ленинской идеологии, а также – к государственной пропаганде и аллюзиям оруэлловского Министерства Правды.

История возникновения термина и последующее его наполнение разнообразным содержанием вывели идеологию за рамки умозрительной, схоластической категории социальных наук; идеология приобрела статус некоего экзистенциально-самостоятельного политико-правового явления, обретшим собственное бытие. Фи-

¹² Альтюссер Л. За Маркса / Л. Альтюссер; пер. с франц. П. В. Денежкина. М., 2006. С. 328.

¹³ Манхейм К. Идеология и утопия. М., 1992. Ч.1. С. (245с.). Момджян К.Х. Социальная философия. деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. 2013. 400 с.

¹⁴ Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1955. Т. 3. С. 24–47.

¹⁵ Сендеров В.А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмитт // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 167–175. См. также: Сендеров В.А. Национализм и глобальные идеологии // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 149–158.

¹⁶ См. также: Р. Гальцева, И. Роднянская. *Summa ideologiae*: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. М., 2012.

¹⁷ Р. Арон, например, идеологию определял через идеи, которые «люди составили для себя или хотели создать о самих себе» (Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М., СПб., 2000. С. 285).

¹⁸ См., в частности: Eagleton T. *Ideology: An Introduction*. Verso; London – New York, 1991. P. 1–2. Можно привести еще не одну сотню определений идеологии, в частности: «идеология есть основа мышления классового общества в конфликтном движении истории <...> Спектакль – это идеология *par excellence*, так как он выражает и проявляет в своей полноте сущность любой идеологической системы: обеднение, подчинение и отрицание действительной жизни» (Дебор Г. Общество спектакля. Пер. с фр. / Перевод С. Офертаса и М. Якубович. М., 1999).

¹⁹ В этом может быть и определенный онтологический аспект, если идеологию рассматривать как «политическую религию» (Parsons T. *Sociological theory and modern society*. N.Y., 1967. P. 90).

лолого-лингвистические вариации получили практическое отражение в общественной жизни и государственном строе страны. Отметим, что выдержать тонкую грань удавалось не всегда, особенно это заметно в тех ситуациях, когда «политическая пропаганда» пыталась заменить «государственную идеологию».

Проблемы общенациональной идеологии в настоящее время являются предметом исследования не только современных российских юристов, но также философов, политологов, социологов: Т. А. Алексеевой, Ю. Г. Волкова, В. Г. Добренькова, Ю. А. Красина, В. Н. Кузнецова, К. А. Лотарева, Н. А. Моисеевой, А. С. Панарина и др.²⁰. В своих работах ученые признают необходимость существования определенной идеологии и(или) национальной идеи, по-разному понимая содержание каждой из них.

Если для большинства представителей неюридических наук гуманитарного цикла существование идеологии представляется хотя и небесспорным, но весьма понятным, то с точки зрения правовой среды²¹, системы права, вопросы, связанные с данным явлением, приобретают дополнительную проблематику: необходимость определения допустимости и(или) необходимости существования официальной государственной идеологии. Ведение такого дискурса в конечном счете подводит к необходимости решения вопроса о возможности существования определённой идеологии, прямо поддерживаемой государством. Помимо философско-онтологических проблем, вызывающих споры по поводу существования некоей единой национальной идеи, существуют и чёткие юридические аспекты данного вопроса. Всё это имеет очевидные практические последствия, которые напрямую влияют на возможность признания ценностных ориентаций, единых для всего социума, а также на допустимость принятия альтернативных аксиологических элементов определенными группами населения. Таким образом, существование государственной идеологии, выделение её базовых принципов становится ключевым элементом в определении баланса конституционно-защищаемых ценностей.

Спустя уже несколько лет после вступления в силу указанной выше нормы Основного закона стало очевидно, что проводимые реформы не могут обеспечить поступательного, прогрессивного развития общества и государства, требуют наличия внятной политико-правовой доктрины. Наверное, одними из первых представителей государственно-правового направления, которые публично признали необходимость идеологии, следует считать А. Г. Хабибулина и Р. А. Рахимова, указав-

²⁰ См. например: Лотарев К.А. К вопросу интерпретации и поиска идеологии: возможности консерватизма в условиях идеологической конвергенции в современной России // *Философия права*. 2016. № 3(76). С. 34–41; 2016. № 4(77). С. 99–106; Красин Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // *Вестник Института социологии*. 2015. № 12. С. 34–59; Лотарев К.А. Консерватизм как консолидирующая идеология: возможности и перспективы в современной России // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12 (62) часть III. С. 87-91; Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. *Социология: Учебник* / Под ред. проф. Ю.Г. Волкова. М., 2003; Кузнецов В.Н. *Социология идеологии*. М., 2007.

²¹ Подробнее см.: Хорунжий С.Н. *Доктринальные аспекты правовой среды*. Воронеж, 2014.

ших, что «идеология является «необходимым признаком государственности»²². А. В. Рубцов, исключая тезис о деидеологизации, заметил, что отказ от государственной идеологии тоже является определенной идеологией – «идеологией деидеологизации»²³.

Отправной точкой в современной правовой дискуссии о [не]возможности государственной идеологии служит известная статья 13 Конституции Российской Федерации, вместе с процитированным выше запретом на установление государственной или обязательной идеологии (пункт 2), признаёт идеологическое и политическое многообразие, а также многопартийность (пункты 1 и 3). Опираясь прежде всего на пункт 2 статьи 13 Основного закона, утвердилось мнение о недопустимости существования государственной идеологии как таковой и необходимости полной деидеологизации государства²⁴. Как указывает О. В. Мартышин, появление указанной статьи исторически объяснимо: она стала реакцией на ««идеократию» советского государства, на превращение «научного коммунизма» в официальную идеологию»²⁵. Среди причин, объясняющих столь радикальный отказ от любой идеологии, исследователи также называют «внутреннюю противоречивость советской идеологии, ее несоответствие коренным потребностям и интересам большин-

²² Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и идеология государственности. СПб., 1998. С. 2, 69. См. также: Кованов К.В. К вопросу о становлении и эволюции идеологий // Электронный журнал «ГосРег». 2016. № 2.

²³ Идеология и процессы социальной модернизации: сб. статей / под общ. ред. Т. Б. Любимовой: Academia, 2013. С. 23. Схожая мысль была высказана в свое время Якуниным В.И.: «...вычеркивая из лексикона понятие государственной идеологии, пытаюсь заменить ее плюралистической идеологией, общенациональной идеологией или любыми другими формами идеологий, мы имеем дело с теми же идеологемами, которые сами не раз осуждали (Якунин В.И. О запрете идеологии в государстве // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2. № 4. С. 103–104).

²⁴ Например: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2001. С. 148–153; Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 493–499. М. Н. Марченко и Е. М. Дерябина, например, закрепленный в Конституции принцип политического и идеологического плюрализма, рассматривают в качестве признака переходного периода (Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Теория государства и права: учебно-методическое пособие. М., 2015. С. 144). См. также: Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М., 2013. С. 240–248; Хачанян С.В. Конституционные коллизии в Российской Федерации.: дисс. ...канд.юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2015. С. 62–63.

²⁵ Мартышин О.В. Конституция и идеология // Государство и право. 2013. № 12. С. 34. О степени идеологизации прежних конституций СССР и РСФСР свидетельствуют многочисленные положения, закрепляющее, в частности, «переходные моменты» от одного строя к другому, «установление диктатуры пролетариата», «полное подавление буржуазии», «уничтожение эксплуатации человека человеком», «беспощадное подавление эксплуататоров» и проч. (Конституция РСФСР 1918 года), «завоевания диктатуры пролетариата», «руководящая роль партии» (Конституция СССР 1936 года), «руководство идеями научного коммунизма», «марксистско-ленинское учение» (Конституция СССР 1977 года). Отметим, что политизация указанных идеологием вытекала не из факта их непосредственного закрепления в тексте Основного закона, но была обусловлена их дублирующим характером из программных положений единой политической силы и единственной политической партии (РСДРП, РКП(б), ВКП(б), КПСС). Справедливости ради отметим, что и среди современных исследователей присутствует мнение об обоснованности запрета на обязательную идеологию (см., например: Хачанян С.В. Конституционные коллизии в российской Федерации: дисс. ...канд.юрид.наук. Ростов-на-Дону, 2015. С. 62–63.

ства советских людей»²⁶, состоявшуюся после распада СССР, замену на идеологию «либерального тоталитаризма»²⁷, либо убеждение, что «идеология подавляет свободно мыслящих людей»²⁸ является «данью конъюнктурным соображениям»²⁹ и т.п.

В настоящее время в юридической литературе государственная идеология рассматривается в тесной взаимосвязи с исторически выработанной системой ценностей, правосознанием³⁰. Некоторые авторы считают, что стабильность Конституции представляет собой самостоятельную ценность, а фиксирование каких-либо идеологических догм в ее тексте не является обязательным³¹. Другие авторы конституционное положение об идеологическом многообразии рассматривают, как многообразие «духовных скреп»³². По мнению О. В. Мартышина, идеология не является синонимом мировоззрения, «это политическое средство», поэтому «реальная проблема состоит не в том, нужна ли государству идеология, а в том, какова она».³³

Л. А. Морозова обосновывает существование самостоятельной идеологической функции государства, которая, по ее мнению, обусловлена следующими факторами: 1) потребностями легитимации государственной власти; 2) необходимостью установления четких ориентиров, приоритетов, системы ценностей; 3) интеграцией общества; 4) потребностями прогнозировать перспективы общественного развития; 5) обеспечение реальной демократии государства; 6) возрастание роли идеологических процессов³⁴.

²⁶ Зарубина Е.В. Проблема формирования общенациональной идеологии в современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 1. С. 52.

²⁷ Пусько В.С. Идеология в конституционном поле современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 3. С. 138.

²⁸ Белякова А.М. О проблеме формирования государственной (общенациональной) идеологии в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 34. Справедливости ради заметим, что сама автор весьма положительно высказывается о необходимости формирования государственной идеологии, замечая, лишь, что «Россия пока не готова к провозглашению в Конституции государственной идеологии, то есть к принятию новой Конституции» (там же. С. 35).

²⁹ Первушина В.Н. Идеология в современной России // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 138–139.

³⁰ Багдасарян В.Э. Государственная идеология как фактор национального суверенитета // Государственная идеология и современная Россия. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. М., 2014. С. 39.

³¹ Некрасов С.И. О трансформации концептуально-идеологических подходов к национально-территориальной (административно-территориальной?) политике современного российского государства / Государственная идеология и современная Россия. М., 2014. С. 758–759.

³² Пациорковский В.В. Место и роль государства в условиях многообразия идеологий // Государственная идеология и современная Россия. М., 2014. С. 776.

³³ Мартышин О.В. Указ. соч. С. 35, 36.

³⁴ Морозова Л.А. К вопросу об идеологической функции государства и общегосударственной идеологии // Государство и право. 2015. № 12. С. 24.

Раскрывая содержание идеологической функции, Л. А. Морозова указывает на следующие её исходные черты: а) мировоззренческая составляющая; б) практическая направленность; в) регулятивный потенциал, предшествующий правовым регуляторам; г) консолидирующая, интегрирующая составляющая; д) политическая субъективность государства. Таким образом, заключает учена, «идеологическая функция является важнейшей сферой деятельности государства, одним из ключевых направлений в его функционировании... <...> Идеологическая функция служит одним из главных условий и функциональных признаков государства, так как государство должно активно участвовать в идеологических процессах для объединения усилий народа в решении наиболее важных жизненных проблем и достижении социально значимых целей»³⁵.

Соглашаясь в целом с позицией Л. А. Морозовой, укажем на один момент, являющийся, как представляется, ключевым. Излагая факторы, которые обуславливают существование идеологической функции, а также описывая её черты, проф. Л. А. Морозова затрагивает крайне важное направление – это установление четких ориентиров, приоритетов и системы ценностей во взаимосвязи с интересами отдельной личности, разнообразных социальных групп, общества в целом и государства.

Последнее представляется крайне важным для целей нашего исследования. Полагаем, что реализация идеологической функции возможна не только в контексте реализации полномочий со стороны органов государственной власти, но и со стороны функционирования институтов гражданского общества, а также отдельных индивидуумов как самостоятельных и заинтересованных субъектов общественных отношений. Условием для подобной легитимации государственной идеологии выступает необходимость правовой фиксации баланса интересов общества и государства в качестве конституционно защищаемой ценности. В противном случае идеологическая функция государства «поработит» общественные интересы, достоинства личности, проявит прочие исторически известные и негативные формы своего выражения, обретет исключительно схоластическое содержание в виде государственной пропаганды.

А. И. Клименко выделяет целый ряд функций правовой идеологии в отношении права (правовой системы). Функция компенсации формализма общего права – посредством установления связи с ценностями через правовые идеи. Данная функция позволяет право наполнить ценностным содержанием. Функция выработки цельного общего и единого образа права – право как единая система. Функция развития и совершенствования общего права в соответствии с правовыми идеалами – идеалы справедливого порядка и ответственной свободы. Функция содержательной легитимации права и правовой системы в целом. Функция рационализации (социально-экономической телеологизации) – право как инструмент в достижении благосостояния. Функция сакрализации и ритуализации права – по мнению автора, это «рудиментная функция, которая досталась правовой идеологии от идеологии религиозного типа». Функция объяснения несовершенства права и компенсации его «пробельности» через связь с ценностями (необходима для исключе-

³⁵ Там же. С. 25–26, 28.

ния противоречий с моральными ценностями). Автор также выделяет функцию формирования правового мировоззрения, функцию формирования способности к правосудию, функцию формирования установок на активное осознание правомерного поведения и многие другие³⁶.

Не исключая множества весьма ценных характеристик, отметим на близкую схожесть в понимании указанных идеологических функций с функциями права в правовой доктрине. Представляется, что требуется более четкое разграничение функций права от идеологии, как элемента прежде всего государственного устройства и функционирования. Здесь уместно вспомнить тесную связь права с правовой идеологией, которую отмечал еще С. С. Алексеев, указывая, также, что идеология не обладает такой целостностью и органичностью, как право: структура идеологии размыта и неоднородна, поэтому весьма близка к правосознанию³⁷.

Связь идеологии и ценностей весьма содержательна. По справедливому замечанию Е. В. Смирновой, идеология «как часть ориентационного сознания не только познает, но и осознает окружающую действительность: состоит не только из фактических, но и из оценочных суждений, суждений соотносящих объекты оценки с потребностями и интересами оценивающего субъекта. <...> ...идеологические оценки в свою очередь являются лишь одним из видов оценочных суждений (наряду с моральными, эстетическими, религиозными и др.). Идеологическое сознание не является исключительно ценностным, но и ценностное сознание не является только идеологическим»³⁸. В этом смысле не стоит бояться, что государственная идеология заменит иные мировоззренческие оценки и постулаты, формируемые в обществе и являющиеся порой достаточно автономными по отношению к официальной идеологии (опыт «бытовой жизни» граждан СССР явно свидетельствует об этом). Единственная проблема в этом случае состоит в том, что в случае радикального расслоения возникает две параллельные реальности, каждая из которых несет определенный ущерб содержательного и практического характера: идеология выхолащивается до уровня одиозного государственного и, одновременно, формального норматива государственно-общественной жизни; бытовая же жизнь граждан лишается своего государство-образующего наполнения, когда государственно-правовые ценности патриотизма, долга и т.п. делиминируются к отношению «*Naec me non laedunt*» («это меня не касается», Курций)

В этом смысле идеологические ценности могут быть верифицированы по отношению к иным (моральным, религиозным, этическим). Истинность их нормативного содержания определяется конкретными правовыми положениями, которые находят свое дальнейшее раскрытие в соответствующих нормах и статьях, правовых актах, принятых с соблюдением процедур, предусматривающих возможность непосредственного принятия (на референдуме) или через институты представительной де-

³⁶ Клименко А.И. Система сущностных и природных функций правовой идеологии // *Пространство и время*. 2015 № 3(21). С.24–31.

³⁷ Алексеев С.С. Субъективная сторона правовой действительности и право. Теория права. М., 1995. С. 201–208; Алексеев С.С. Теория права. М., 1994. С. 202.

³⁸ Смирнова Е.В. Идеология в системе общественного сознания // *КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: политика, экономика, культура*. 2016. № 1(46). С. 137.

мократии. И в первом и во втором случае закрепление государством идеологических ценностей предлагает соблюдение установленных демократических процедур участия населения в этом. Кроме того, даже принятые идеологические «стандарты» не означают аксиоматического отношения к ним со стороны граждан: они также могут быть изменены в соответствии с установленными процедурами.

Таким образом, с юридической точки зрения верификация идеологических ценностей (например, социального государства либо конституционного утверждения о высшей ценности человека, его прав и свобод) осуществляется посредством инструментов и способов их достижения, а именно через действия государственно-правовых механизмов, реализацию конкретных юридических предписаний, а также степени их исполнения.

По мнению Б. С. Эбзеева, конституционное признание политического плюрализма является «рефлексом на насаждавшийся десятилетиями идеологический монизм, который закреплялся советскими конституциями и поддерживался всеми институтами государственной власти»³⁹. Вместе с этим судья Конституционного суда России первого состава справедливо отмечает, что констатация идеологического многообразия в Конституции РФ не ограничивается провозглашением права на разработку и развитие теорий идеологического характера: Основной закон признаёт существование политических партий в качестве неотъемлемого условия конституционного строя, придаёт им статус института, необходимого для функционирования демократии в рамках правового государства.

Конституция Российской Федерации, декларируя идеологическое и политическое многообразие, не устанавливает запрета на существование общей национальной идеи, которая может стать предметом идеологии политических и гражданских институтов. В этом смысле представляется абсолютно верной позиция другого судьи Конституционного суда РФ – Г. Гаджиева, который, опираясь на текст Основного закона, делает вывод, что у «государства может быть идеология, но она не должна быть эксклюзивно-обязательной»⁴⁰.

Действительно, базовые ценности, составляющие идеологическое ядро современной России, содержатся, по нашему глубокому убеждению, в самой Конституции Российской Федерации и прежде всего в преамбуле к ней: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими по-

³⁹ Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014. С. 236–239.

⁴⁰ Отечество – не корпорация // Российская газета. 19 февраля 2014 г. См. также: Бондарь Н. С. Социоисторический динамизм Конституции – без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 22–34; Хорунжий С. Н. Конституционная идеология как элемент правовой среды // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 10. С. 3–5.

колениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»⁴¹. Подобные конституционные интенции находят свое дальнейшее развитие в соответствующих разделах Основного закона, устанавливая такие идеологические постулаты как многонациональность, демократическое, правовое, светское, федеративное, суверенное государство и проч. Как видим, сама преамбула играет особую философско-правовую роль с ценностно-ориентированным содержанием⁴². В этом смысле мы согласны с утверждением о том, что «любая конституция сама есть плод определенной идеологии»⁴³.

Кроме того, идеологические элементы с очевидностью присутствуют также в целом ряде других доктрин и концепций. Укажем лишь на некоторые из них.

В Военной доктрине Российской Федерации прямо говорится, что она представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации (пункт 1 раздела I)⁴⁴. Морская доктрина Российской Федерации – определяет государственную политику Российской Федерации в области морской деятельности – национальную морскую политику Российской Федерации⁴⁵. Концепция внешней политики представляет собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации⁴⁶.

В гуманитарной сфере можно назвать Концепцию преподавания русского языка и литературы, которая закрепляет «систему взглядов на основные проблемы, базовые принципы, цели, задачи и основные направления развития системы пре-

⁴¹ Об этом также см.: Исаков В.Б. Право и идеология в демократическом обществе // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. С. 11–15. Отметим, что схожие по своей идеологической сути правовые положения закреплены в конституциях многих государств. Подробнее см.: Якунин В.И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Государство и право. 2007. № 5. С. 5–12.

⁴² В конституционной доктрине России юридическая сила и правовое предназначение преамбулы оценивается по-разному. В.М. Антоненко доказывает необходимость признания прямого действия положений преамбулы (см.: Антоненко В.М. Преамбулы конституций и их правовое значение // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 9–12; Антоненко В.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации: автореферат дис. ... канд.юр.наук: 12.00.02 / Екатеринбург, 2014. С. 9–10). Схожую точку зрения разделяет Р. В. Артемьева (Артемьева Р.В. Преамбула Конституции Российской Федерации: нормативное содержание и проблемы реализации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 41 с.). В работе Л. К. Лутовой, напротив, преамбуле придается субсидиарное значение при решении вопросов о конституционности принимаемых актов (Лутова Л.К. Преамбула нормативного правового акта (проблемы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 37 с.). В практике Конституционного Суда преамбула нередко используется в мотивировочной части конституционного акта, что фактически придает ей нормативное значение (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2016 г. № 21-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 г. № 16-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2016 г. № 14-П).

⁴³ Михайлов В.В. Деидеологизация как негативное социальное ограничение (на примере Конституции РФ) // Государственная идеология и современная Россия. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. Москва, 2014. С. 730.

⁴⁴ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976).

⁴⁵ Морская доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 26.07.2015 г.).

⁴⁶ Указ Президента РФ от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

подавания русского языка и литературы в организациях, реализующих основные общеобразовательные программы, в Российской Федерации»⁴⁷.

Концепции информационной безопасности детей содержит множество идеологем, в частности: признание детей равноправными участниками процесса формирования информационного общества в Российской Федерации; ответственность государства за соблюдение законных интересов детей в информационной сфере; необходимость формирования у детей умения ориентироваться в современной информационной среде; открытость и взаимодействие с другой информационной культурой и традициями, формирование у детей объективного представления о российской культуре как неотъемлемой части мировой цивилизации⁴⁸.

В Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий говорится, в частности, о таких базисных компонентах, как гармонизация межэтнических отношений; поддержание нравственных ориентиров развития общества; формирование деятельного патриотизма⁴⁹.

Государственная семейная политика представляет собой целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей⁵⁰.

Приведенные выше конституционные правоположения в совокупности с соответствующими актами позволяют говорить о наличии соответствующей «идеологической функции»⁵¹ и конституционной правовой идеологии. В качестве последней предлагается, в частности, понимать систему конституционных ценностей, основанных на признании личности, ее прав и свобод в качестве высшей ценности и признающей за ней право на идеологическое многообразие, защиту интересов государства⁵² либо – совокупность ценностей, теорий, представлений, обеспечивающих утверждение в обществе норм правомерного поведения, сочетание интере-

⁴⁷ Распоряжение Правительства РФ от 09.04.2016 г. № 637-р «Об утверждении Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации».

⁴⁸ Распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 г. № 2471-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей».

⁴⁹ Распоряжение Правительства РФ от 15.08.2015 г. № 1561-р «Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий»

⁵⁰ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года»

⁵¹ Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000; Нудненко Л.А. Конституционное право России. Практикум. Учебное пособие для бакалавров. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2012. С. 19.

⁵² Мельников В.Ю Национальная идея в форме конституционной правовой идеологии // Актуальные проблемы юридической науки и практики. 2016. №4(23). С. 104. (С.101–105).

сов гражданского общества и государства, общественных объединений и государства, гражданина и государства⁵³.

Вместе с этим основной задачей здесь видится не просто перечисление базовых идеологических основ, но установление баланса между ними. Последний должен рассматриваться в качестве юридической презумпции – презумпции идеологического баланса защищаемых конституцией ценностей. Здесь мы согласны с мнением В.Ю Мельникова, который говорит, что положения части 2 статьи 13 Конституции России «не только не отрицают возможности существования консолидирующей идеологии, но, напротив, задают систему координат, в рамках которых могут существовать различные типы идеологий. <...> Существование той или иной идеологии возможно лишь в рамках конституционно закрепленной идеологии, сущность которой заключается в соблюдении баланса конституционных ценностей, интересов общества, государства и личности»⁵⁴.

Справедливости ради отметим, что не во всех конституционных правоположениях указанный баланс на первый взгляд присутствует в полной мере. В качестве примера можно привести также часто критикуемые конституционные нормы, устанавливающие институт президентства, выходящий за традиционные рамки доктрины разделения властей. Сюда же следует отнести нормы статей 8 и 9 Конституции РФ, которые по сути декларируют преимущество частной формы собственности, что могло бы свидетельствовать о безоговорочном признании капиталистической системы, в рамках которой экономическое распределение материальных благ крайне мало соответствует пониманию справедливости, признаваемой большинством в обществе. Как указывает О. В. Мартышин, классический принцип либерализма состоит не в установлении приоритетов личности, но – в гарантировании прав и свобод человека, если они не противоречат благу общества⁵⁵.

В этой связи необходимо заметить, что баланс интересов не означает материального равенства его реализации. Подобным и известным образом объясняется различие между равенством экономическим (пресловутая «уравниловка») и равенством «юридических возможностей». Идеологический баланс конституционно защищаемых ценностей, как представляется, означает возможность сохранения вектора поступательного развития. В нашем примере преобладание частнособственнической системы хозяйствования уравнивается другой конституционной нормой, устанавливающей, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ).

⁵³ Барциц И.Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. М., 2000. С. 87–97.

⁵⁴ Мельников В.Ю. Необходимость формирования национальной идеи и правовой идеологии // Таврический научный обозреватель. 2016. №5 (10). С. 203. С.200–203.

⁵⁵ Мартышин О.В. Конституция и идеология // Государство и право. 2013. № 12. С. 41. Мартышин О.В. проводит различие между либерализмом и либертариализмом, под который он понимает политику, рассчитанную на максимальное свертывание деятельности государства в социальной сфере

В этом же смысле процитированное ранее политическое многообразие (ст. 13 Конституции РФ) нормативно фиксирует существование совершенно определенной государственной (конституционной) идеологии.

Здесь мы согласны с позицией В. Ю. Мельникова, который, отвечая на вопрос о том, нужна ли государству правовая идеология, указывает, что положения части 2 статьи 13 Конституции РФ «не только не отрицают возможности существования консолидирующей идеологии, но и, напротив, задают систему координат, в рамках которых могут существовать различные типы идеологий до тех пор, пока не выйдут за правовые пределы их осуществления»; кроме того, «существование той или иной идеологии возможно лишь в рамках конституционно закрепленной правовой идеологии, сущность которой заключается в балансе конституционных ценностей, интересов общества, государства и личности»⁵⁶.

Очевидное присутствие информационной составляющей в любой идеологической системе требует отражения ее в соответствующих актах, регламентирующих особенности суверенной информационной юрисдикции. В качестве последнего, наверное, следует рассматривать Доктрину информационной безопасности Российской Федерации (утв. указом Президента РФ 05.12.2016 № 646). Несмотря на то, что указанная Доктрина напрямую не оперирует подобными лексическими единицами, вместе с этим содержит ряд смежных положений. В частности, само понятие информационной сферы определяется как совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" (далее - сеть "Интернет"), сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений⁵⁷. Кроме того, Доктрина дает определение одной из важнейших идеологем – национальные интересы России в информационной сфере, которые она раскрывает как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития в части, касающейся информационной сферы», в частности: обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечение информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применение информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Рос-

⁵⁶ Мельников В.Ю. Нужна ли государству правовая идеология? // Наука и современность. 2016. № 1(7). С. 240. См. также: Мельников В.Ю. Конституционная правовая идеология государства – основа национальной идеи? // Наука и современность. 2015. №3(5). С.77–85; Исаева К.М. Идеологическое многообразие как основа конституционного строя РФ: автореф. дис. ...канд.юрид.наук. Махачкала, 2015. С.3.

⁵⁷ Заметим, что существовавшее ранее понятие «информационной сферы» было значительно уже: «совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений» (Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Президентом РФ 9 сентября 2000 г. N Пр-1895).

сийской Федерации. В Доктрине на основе анализа основных информационных угроз и оценки состояния информационной безопасности определены «стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации».

При этом соблюдение баланса между потребностью граждан в свободном обмене информацией и ограничениями, связанными с необходимостью обеспечения национальной безопасности, в том числе в информационной сфере, является одним из основных принципов деятельности органов власти.

Л. Ю. Грудцына и А. В. Лагуткин, исследуя философские и правовые аспекты роли информации в управлении гражданским обществом, выделили три сценария развития социальной системы с участием государства: 1) тоталитарный контроль государства за поступлением информации (партийная идеология направляет научные исследования «в нужное, политически ориентированное русло»; 2) индифферентное государство (максимальная свобода информационного обмена); 3) смешанный вариант (государство «вбрасывает» в гражданское общество нужную информацию, но намеренно не контролирует все). В последнем случае государственная идеология представляется наиболее удобным и функциональным инструментом «конструирования и «донесения» в нужных формах до общества необходимой информации»⁵⁸. В конечном счете авторы работы делают вывод о том, что «участие государства в формировании российского гражданского общества должно быть *взвешенным* (здесь и далее выделено – С.Х.)» и контролироваться «общественными институтами, чтобы не допустить информационного манипулирования процессом формирования гражданского общества в интересах самой власти», для чего «власть должна осознать важность и необходимость *самоограничения*, пойти во многом против своей природы»⁵⁹.

Как видим, выводы ученых о «взвешенном участии», а также необходимости самоограничения власти в рассмотренном аспекте явно свидетельствуют о недопустимости как самоустранения, так и тоталитарного давления, иными словами – об обеспечении баланса информационной составляющей в управлении гражданским обществом.

Несмотря на тесную близость идеологии с принимаемыми государством концепциями, уместно вспомнить высказывания Н. Я. Соколова, возглавлявшего в свое время отдел правовой пропаганды Минюста СССР. По его мнению правовая идеология представляет собой совокупность идей, теорий, концепций, в которых выражено отношение к праву. Примерами последних могут служить такие концептуальные идеи, фиксируемых в правовой идеологии, как ... недопустимость противопоставления законности и справедливости в деятельности государственных органов и должностных лиц»⁶⁰. Как видим, содержание некоторых правовых идей бо-

⁵⁸ Грудцына Л.Ю., Лагуткин А.В. Роль информации в управлении гражданским обществом: философские и правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 33–34.

⁵⁹ там же. С. 38.

⁶⁰Соколов Н.Я. Правосознание, правовая культура и правовой нигилизм. Теория государства и права: учебник для вузов // под ред. проф. М.М. Рассолова. М., 2004. С. 509.

лее близко именно правой пропаганде нежели идеи права и конституционной идеологии современного государства.

Приведенные выше правоположения свидетельствуют об активном использовании идеологической составляющей в современном правовом регулировании.

С учетом вышесказанного, содержащийся в части 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации запрет на «установление» идеологии в качестве государственной или обязательной следует толковать в системной взаимосвязи с положениями частей 1 и 3 данной статьи, которые исключают возможность формирования государством прежде всего политической идеологии, а также иной мировоззренческой антикультуре (экстремистской идеологии), указанной в части 5 анализируемой статьи Основного закона. Кроме того, запрет на разжигание «социальной розни» (часть 5 ст. 13) также призван содействовать обеспечению баланса общественных интересов всех групп населения.

Иное правопонимание противоречит как преамбуле Конституции РФ, так и другим ее положениям и прежде всего тем, которые содержатся в разделах о правах и свободах человека и гражданина.

Идеология защищает ценности, но только Конституция устанавливает их баланс и обеспечивает защиту. Более того, сама конституционная норма, установившая идеологическое и политическое многообразие, предполагает определенную мировоззренческую вариативность и, в конечном счете, соответствует идеи баланса интересов.

Вместе с тем признаем, что это крайне сложная сфера. Среди конституционных идеологем, прямо закрепленных в тексте Основного закона можно, в частности, назвать провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2). Данные конституционные нормы без учёта других правоположений создают видимость абсолютного приоритета человека перед обществом, личности перед государством. Указанный приоритет, «вырванный» из общего контекста конституционных правоположений, может привести к злоупотреблениям в реализации частных интересов по отношению к публичным. О необходимости обеспечения прав и свобод человека и гражданина в правовой системе Российской Федерации с учетом баланса конституционно защищаемых ценностей неоднократно указывал Конституционный Суд РФ. К числу конституционно значимых ценностей, составляющих наряду с другими факторами основу национальной безопасности, по мнению КС РФ, относится, например, здоровье как неотъемлемое и неотчуждаемое благо, принадлежащее человеку от рождения и охраняемое государством⁶¹; а также достойная жизнь, свободное развитие человека, право каждого на жилище⁶², добро и справедливость⁶³.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что при определении условий реализации фундаментальных прав федеральный законодатель, исходя из принципа равенства и вытекающих из него критериев разумности,

⁶¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.10.2016 N 20-П

⁶² Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2016 N 23-П

⁶³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 N 16-П.

необходимости и соразмерности, должен обеспечить баланс конституционных ценностей, а также прав и законных интересов участников конкретных правоотношений⁶⁴.

Признание конституционной идеологии особо актуально сегодня, когда основным и единственным регулятором общественной жизни предлагают считать закон, как документ узкоправовой направленности, в котором основополагающее значение уделяется соблюдению норм юридической техники. В такой ситуации нормативная ткань закона теряет фундаментальную связь с нормами морали и нравственности. В конечном счете такой закон приобретает не просто высшую (по своей юридической силе), но, к сожалению, единственную функцию нормативного регулятора человеческой жизни. Трудно не согласиться с высказыванием В. Д. Зорькина о радикальности современного позитивизма, который, по его словам, требует признания «противоречащих укоренённым в спонтанных социальных порядках массовым общественным представлениям о справедливом и должном, неизбежно создаёт в обществе острое моральное, социальное или даже политическое напряжение, вплоть до разрыва единой социальной ткани и общественного сдвига к своего рода "нормативной войне"»⁶⁵.

Ряд стран Европы и Запада пытаются универсализировать свою аксиологическую систему, распространяя её в качестве безальтернативной и насаждая в правовой среде других стран. Однако в силу того, что такой посыл лишён первоначальной основы в виде национальных норм морали, нравственности, правил этики и понимания границ справедливости, единственно возможным вариантом внедрения указанных правил является принудительная сила государства и (или) международное влияние в самых разных формах. В этих случаях навязывание чуждых нормативных регуляторов проходит под лозунгом имплементации (инкорпорации и проч.) «общепризнанных международных норм и стандартов поведения».

В рассматриваемом случае универсальность позитивных юридических норм обеспечивается посредством активного вмешательства государства во все сферы общественной и частной жизни. Вместе с тем мы не должны повторить и ошибок прошлого, когда трактовка большинства юридических вопросов велась преимущественно в свете категорий юридических обязанностей и ответственности, являясь одним из выражений «юридического этатизма, в соответствии с которым и во всех иных плоскостях юридические вопросы рассматриваются сквозь призму категорий государства, интерпретируемых с державно-имперским акцентами, – "государственную волю", "государственные интересы", "государственный суверенитет", "целостность государства" и т. д.»⁶⁶.

В подтверждение сказанного отметим особую роль Конституционного суда РФ в формировании современной правовой среды. Конституционная инстанция в этом

⁶⁴ См. например: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 N 24-П; постановления от 18 февраля 2000 года N 3-П, от 14 ноября 2005 года N 10-П, от 26 декабря 2005 года N 14-П, от 16 июля 2008 года N 9-П, от 7 июня 2012 года N 14-П, от 12 марта 2015 года N 4-П и др.

⁶⁵ Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен: монография / В. Д. Зорькин. М., 2013. С. 71–72.

⁶⁶ Алексеев С. С. Право: азбука, теория, философия, опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 518. См. также об этом: Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации А. Л. Кононова по определению Конституционного суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 года № 797-О-О.

смысле выступает единственным внешним регулятором, ограничивающим избыточное вмешательство законодателя в сферы частной и общественной жизни социума, препятствуя тем самым практической реализации чрезмерного юридического позитивизма. Конституционное правосудие, замечает В. Д. Зорькин, является институциональным средством ограничения власти законодателя⁶⁷. Анализ правоположений, вырабатываемых Конституционным судом РФ, позволяет утверждать, что в их основе лежат фундаментальные категории правовой доктрины, которые вытекают из следования национальным традициям, принципам морали, нравственности, справедливости, этики и т. п.

Отметим также объективные трудности, лежащие в плоскости юридического признания господства и главенства права. В подготовленном Венецианской комиссией докладе о верховенстве права, в частности, указывается, что сам термин «верховенство права», в отличие от таких понятий, как «права человека» и «демократия», в достаточной мере ещё не закреплён в законодательстве и не получил должного раскрытия в судебной практике, что ставит задачу его дальнейшего доктринального и нормативного обоснования и развития⁶⁸.

Думается, что при решении указанного вопроса, несомненно, следует учитывать парадигму нашего национально-исторического бытия: единство закона, нравственности, морали и справедливости – всего того, что наполняет российскую правовую среду.

В то же время действительно эффективная и успешная деятельность аппарата публичной власти конституционного государства возможна лишь в заданных рамках конституционно-правовой идеологии, воплощающей высший – рационально-идеологический – уровень конституционного правосознания⁶⁹.

Юридино-социологический феномен идеологии значительно шире категории права и норм морали. Он включает в себя не только собственно догмат права, но и его дух, традиции и ценности, поэтому конституционная идеология наполняет нормы и право, государство и его механизмы правового регулирования национально объединяющим содержанием.

Вместе с этим несмотря на важную роль и значение идеологии хотелось бы весьма аккуратно подходить к призывам о том, что «необходима правовая реидеологизация всех сторон общественного бытия, всех сфер правовых отношений на базе основополагающих парадигматических принципов юридической науки», а также «выработке полномасштабной, идейно последовательной правовой идеологии в России», которая позволит обеспечить объективную идеологическую обобщённость «идеологических ингредиентов»⁷⁰.

Представляется, что на идеологию, равно как и на одноименную функцию государства, распространяются требования о соблюдении баланса, обеспечение ко-

⁶⁷ Зорькин В. Д. Конституция живёт в законах // Российская газета. № 6560 (288). 17 декабря 2014 г.

⁶⁸ Венецианская комиссия: сто шагов к демократии через право: Монография / Под ред. Т. Я. Хабриевой, В. И. Лафитского. М., 2014. С. 42.

⁶⁹ См.: Сергевнин С. Л. Российское национальное правосознание: некоторые конституционно-правовые проблемы // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 5. С. 16–23.

⁷⁰ Чернобель Г.Т. Идеологическая константность права // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 9, 13, 14.

того необходимо в том числе в определении конкретных сфер идеологизации («реидеологизации») и соотношения к иным функциям государства. В противном случае задача обеспечения равной защиты частных и публичных интересов вряд ли достижима.

Литература

Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000.

Альтюссер Л. За Маркса / Л. Альтюссер; пер. с франц. П. В. Денежкина. М., 2006.

Антоненко В.М. Преамбулы конституций и их правовое значение // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 9–12.

Арапов А.В., Хорунжий С.Н. Принцип повиновения власти: христианский и конституционный взгляд на современную правовую среду // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 76–81.

Арапов А.В., Хорунжий С.Н. Юридико-этические "архаизмы" современной общественной морали: философский аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 1(15). С. 48–53

Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М., СПб., 2000.

Артемьева Р.В. Преамбула Конституции Российской Федерации: нормативное содержание и проблемы реализации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Багдасарян В.Э. Государственная идеология как фактор национального суверенитета // Государственная идеология и современная Россия. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. М., 2014. С. 27–46.

Барциц И.Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. М., 2000.

Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М., 2007.

Белякова А.М. О проблеме формирования государственной (общенациональной) идеологии в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 34–36.

Богданов А.А. Наука об общественном сознании: (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). М., 1914.

Бондарь Н. С. Социоисторический динамизм Конституции – без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 22–34.

Гаджиев К. Конец или возрождение идеологии? // Свободная мысль. 2016. № 1. С. 93–104.

Гальцева Р., Роднянская И. Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. М., 2012.

Зарубина Е.В. Проблема формирования общенациональной идеологии в современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 1. С. 51–53.

Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен: монография / В. Д. Зорькин. М., 2013.

Иванова А. С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 146–149.

Исаева К.М. Идеологическое многообразие как основа конституционного строй РФ: автореф. дис. ...канд.юрид.наук. Махачкала, 2015.

Клименко А.И. Система сущностных и природных функций правовой идеологии // Пространство и время. 2015 № 3(21). С.24–31.

Кованов К.В. К вопросу о становлении и эволюции идеологий // Электронный журнал «ГосРег». 2016. № 2.

Красин Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // Вестник Института социологии. 2015. № 12. С. 34–59.

Кузнецов В.Н. Социология идеологии. М., 2007.

Лотарев К.А. К вопросу интерпретации и поиска идеологии: возможности консерватизма в условиях идеологической конвергенции в современной России // Философия права. 2016. № 3(76). С. 34–41.

Манхейм К. Идеология и утопия. М., 1992. Ч.1. С. (245с.).

Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1955. Т. 3. С. 24–47.

Мартышин О.В. Конституция и идеология // Государство и право. 2013. № 12. С. 34–44.

Мельников В.Ю. Национальная идея в форме конституционной правовой идеологии // Актуальные проблемы юридической науки и практики. 2016. №4(23). С.101–105.

Мельников В.Ю. Необходимость формирования национальной идеи и правовой идеологии // Таврический научный обозреватель. 2016. №5 (10). С. 203. С.200–203.

Мельников В.Ю. Нужна ли государству правовая идеология? // Наука и современность. 2016. № 1(7). С. 235–242.

Михайлов В.В. Деидеологизация как негативное социальное ограничение (на примере Конституции РФ) / Государственная идеология и современная Россия. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. Москва, 2014. С. 727–747.

Морозова Л.А. К вопросу об идеологической функции государства и общегосударственной идеологии // Государство и право. 2015. № 12. С. 23–29.

Некрасов С.И. О трансформации концептуально-идеологических подходов к национально-территориальной (административно-территориальной?) политике современного российского государства / Государственная идеология и современная Россия. М., 2014.

Пациорковский В.В. Место и роль государства в условиях многообразия идеологий // Государственная идеология и современная Россия. М., 2014.

Первушина В.Н. Идеология в современной России // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 138–139.

Пусько В.С. Идеология в конституционном поле современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 3. С. 136–140.

Сендеров В.А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмитт // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 167–175.

Смирнова Е.В. Идеология в системе общественного сознания // КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: политика, экономика, культура. 2016. № 1(46). С. 137.

Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и идеология государственности. СПб., 1998.

Хорунжий С. Н. Конституционная идеология как элемент правовой среды // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 10. С. 3–5.

Хорунжий С.Н. Доктринальные аспекты правовой среды. Воронеж, 2014.

Хорунжий С.Н. Конституционная идеология как аксиологический элемент современной правовой среды // Журнал Конституционного правосудия. №3 (45). 2015. С. 31–34.

Хорунжий С.Н. Политическая теология и секуляризация современной правовой среды // Вестник Российской нации. 2014. № 6. С. 269–287.

Хорунжий С.Н. Религиозная мораль в историческом контексте нормативного содержания современной правовой среды // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 54–57.

Чернобель Г.Т. Идеологическая константность права // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 5–15.

Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М., 2014.

Якубенко К.Ю. Правовая идеология: природа и содержание // Вопросы теории и истории государства и права. 2016. №1(40). С. 66. (63–66)

Aron, Raymond. The Opium of the Intellectuals. New York: Doubleday & Company, Inc., 1957.

Bell D. The end of ideology. Glencoe, 1988.

Eagleton T. Ideology: An Introduction. Verso; London – New York, 1991.

Parsons T. Sociological theory and modern society. N.Y., 1967.